

Лора Флоранд

Француженки не любят

сказки

Лора Флоранд

Француженки не любят
СКАЗКИ

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф73

Laura Florand
THE CHOCOLATE TOUCH

Copyright © 2013 by Laura Florand

Перевод с английского Т. Калашниковой

Художественное оформление Е. Ененко

Флоранд, Лора.

Ф73 Француженки не любят сказки / Лора Флоранд ;
[пер. с англ. Т.Е. Калашниковой]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2015. — 352 с. — (Женские слабо-
сти. Романы Л. Флоранд).

ISBN 978-5-699-83701-4

Джейми Кори, наследница огромной шоколадной фабрики, приезжает к сестре в Париж и тут же вносит раздор между лучшими кондитерами Франции. Она заводит романтическую связь с талантливым шоколатье Домиником Ришаром, известным смутяном и главным соперником Сильвана Маркиза, возлюбленного ее сестры. Джейми знает — от семьи скрывать роман долго не удастся. Но не это самое страшное! Семья Джейми не прочь выманить у Доминика несколько рецептов, ведь его сладости имеют поистине чудесный вкус. Что же он скажет, когда узнает ее фамилию? Оттолкнет? А ведь Джейми, кажется, влюбилась...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Калашникова Т., перевод на русский
язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-83701-4

Глава 1

— ОНА ВЕРНУЛАСЬ.

Черт побери! Да как эта вострушка Гийеметта смекнула, что он положил глаз на ту женщину — странную клиентку за нижним столиком?! Хмуро взглянув на свою подчиненную, Доминик перестал возиться с огромным куском шоколада и прошел вдоль стеклянной стены к тому месту, откуда лучше был виден зал внизу. Вымазанные в шоколаде пальцы он предусмотрительно сжал в кулаки, чтобы случайно не оставить на стекле пятен, какие оставляет ребенок, глаза на витрину кондитерской.

Как обычно, молодая женщина сидела одна за маленьким столиком. Вот уже неделю она приходила сюда дважды в день. Сначала утром, потом к вечеру. Вероятно, туристка. Приехала ненадолго в Париж. Как и все туристы, она старалась под завязку набить себя шоколадом, который делают французские шоколатье в своих небольших магазинчиках. Но даже он, Доминик, находил несколько странным, что она предпочитает только его продукцию! Да, туристы читали путеводители и чаще всего выбирали кого-то из первой десятки в перечне парижских соблазнов: являлись утром к нему, к Филиппу Лионне после обеда,

а к Сильвану Маркизу на следующий день. Но, как правило, они не могли похвастаться сколь-нибудь развитым вкусом и понятия не имели, что Сильван Маркиз скучный и что единственный кондитер, способный вызвать истинный восторг у любительниц шоколада, — это он, Доминик Ришар. Однако и его можно с кем-то сравнить...

Впрочем, эта клиентка не выглядела доверчивой или же экзальтированной, такую привести в восторг нелегко. Она держалась необычайно спокойно и сдержанно. У нее был большой, чувственный рот; определить цвет ее глаз, затененных ресницами, Доминик пока что не мог — она сидела далеко от него. Ее волосы были неизменно спрятаны под капюшоном, иногда — под стильной шляпкой или небрежно, как у Одри Хепберн, повязанным шарфом. Высокие скулы были несколько островаты. Лицо, словно золотой пылью, было густо покрыто веснушками.

В первый день она была буквально кожа да кости. Возможно, она модель? Но для модели слишком миниатюрная и веснушчатая. Так что скорее всего у нее лишь типичная городская анорексия. Когда незнакомка заказала чашку горячего шоколада и шоколадный эклер, Доминик ожидал, что, съев их, она бросится в туалет, дабы извергнуть из себя вожденное лакомство, прежде чем ее организм усвоит полученные калории. Его бесило, когда он видел, что клиентки так обращаются с его шоколадом.

Но она просто сидела за столиком, полуприкрыв веки и бережно обхватив ладонями горячую чашку. Сидела долго, потихонечку расправляясь с эклером и шоколадным напитком. Ни разу не вытащила телефон или журнальчик, вообще ничего не делала, только сидела и лакомилась.

Когда она ушла, Доминик с удивлением обнаружил, что кусочек его души, оторвавшись, улетел вместе с нею. Он смотрел в высокое створчатое окно на ее удалявшуюся фигурку; она шла осторожно, словно тротуар мог таить в себе невидимую простым глазом опасность.

В тот день она появилась еще раз и опять сидела, держа чашку *chocolat chaud* в ладонях, грея о нее пальцы, но теперь она попробовала ломтик его самого знаменитого *gâteau*. Ела медленно, крошечными кусочками, и внимательно вбирала в себя все, что ее окружало.

Значит, вбирала в себя и его. В этом зале он был запечатлен в каждой детали — крупной и мелкой. В грубом камне, которым были оформлены три стены и арочные проходы. В тяжелых шторах красного бархата, с их страстной пышностью. В белой стене с тисненными розовыми бутонами, которая как бы служила фоном для незнакомки, хотя никто не мог понять, какой части его натуры могли соответствовать эти хрупкие цветы. Сверкающие, яркие витрины, последнее слово техники. Квадратики темного, высокого качества шоколада, покрытые причудливыми узорами; избранная коллекция пирожных, его *gâteaux au chocolat*, эклеры, тортики; полупрозрачные столбики карамели. Он считал своими даже людей, сидевших за другими столиками. Они принадлежали ему, пока находились в его салоне, и только по наивности думали, будто это они покупали его.

На третий день, когда официант Тьерри поднялся наверх с заказом — ее заказом, Доминик внезапно решил рискнуть.

— Отнеси ей вот это. — И он дал ему шоколадный эклер с лимоном и тимьяном — рецепт был сочинен нынешним утром.

Доминик наблюдал, как официант сообщил что-то клиентке, передавая эклер, а та подняла голову и огляделась по сторонам. Но не догадалась взглянуть наверх, да если бы и взглянула, то что с того? Она ведь не поняла бы, что это он, даже если бы его и увидела.

Когда она ушла, официант принес ему листок, оставленный дамой на столике. На обратной стороне она написала: «Большое спасибо!» и нацарапала непонятную букву. Л?.. Д?.. А?..

Внезапно он испугался, что больше никогда ее не увидит. Через несколько часов она улетит, а сейчас упаковывает сувениры. И даже не купила коробки его шоколада, чтобы не скучать во время полета. Всю ночь его не покидала мысль, каким же пустым и осиротевшим станет без нее его заведение.

Но наутро она пришла снова и спокойно уселась за столик.

Он казался себе грубым и неотесанным при одном лишь взгляде на ее безмятежность, на ее тонкие пальцы, запястья. Ему казалось, что, пройди он мимо нее, за день — и она разобьется, что тебе фарфоровая статуэтка... Стоп. Зачем он стоит тут и пялится на нее? Неужели у него нет других дел, черт побери? А ей нужно приходить к Сильвану Маркизу, в его бутик, там все сладкое, яркое... Не то что у него, Доминика Ришара. Его шоколад такой темный, что на языке остается терпкая горечь.

Да, ей наверняка нужен галантный принц, а не мужлан, который провел первые шесть лет своей рабочей карьеры, с двенадцати до восемнадцати лет, на жуткой скотобойне, срубая с костей кровавые куски мяса. От такой работы руки его сделались безобразными, загрубели, душа тоже. Он преодолел темную полосу своей жизни, но уж точно не

подпустит туда никого даже близко. Что случится, если когда-нибудь он сорвется с цепи? Думать об этом он не хотел.

— А она на тебя запала, разве не видишь? — заметила Селия, его работница, лохматенькая толстушка, оттеснив своего босса в угол, чтобы лучше видеть самой. Доминик мрачно поглядел на каштановые клочья ее волос. Он не понимал, почему его сотрудники упорно относятся к нему, как к добродушному старшему братцу или терпеливому папеньке, хотя он был лишь на несколько лет старше их и едва ли годился на ту или другую роль. Ни у одного топ-шефа во всем Париже не было таких отношений с подчиненными. Возможно, он обладает особым даром нанимать идиотов.

Да, ему следовало бы научить их бояться его, ну или на худой конец уважать, а он просто учит их безупречно делать свою работу. Впрочем, он любил, когда его боялись равные ему люди. Ему была противна сама мысль, что бояться его могут те, кто в чем-то от него зависим.

— Наверняка она просто живет в отеле где-нибудь по соседству, — ответил он. И все. Правильно?

— Ну, она такая прозрачная, что едва ли ест еще где-то в Париже. — Селия не была безобразно полной, нет, но по парижским меркам все-таки носила на себе лишние килограммы и поэтому ревниво относилась к женщинам, которые морили себя голодом ради моды. — Нет, она точно на тебя запала!

Доминик почувствовал, что краснеет, и всячески воспротивился этому. Он не знал, почему, но ему было приятно думать, что эта веснушчатая клиентка, похожая на Одри Хепберн, равнодушна к нему.

— Ты ведь не видел, чтобы она бегала вызывать рвоту? — задумчиво продолжила Селия.

— Нет, она не бежит в клозет. Ей нравится, когда я присутствую в ней.

У Селии загорелись глаза, она издала странное бульканье. Доминик сдвинул брови.

— Ты уйдешь отсюда когда-нибудь? Тебе что, нечем больше заняться?

— Ну, дел-то у меня не меньше, чем у тебя. — Селия многозначительно ухмыльнулась.

Едва ли. Никто не работает так много, как хозяин салона. Но вот интересно, что делают Сильван Маркиз и Филипп Лионне со своими подчиненными, если те переходят границы? Почему он допускает такое, как сейчас с Селией? Он самый большой и авторитетный производитель парижского шоколада, но даже в собственной святой святыне ему приходится мириться с непочтительными манерами своих сотрудников.

Селия бросила на него удивленный взгляд.

— Что с тобой? Ты неважно себя почувствовал? У тебя такое лицо... — Она опять улыбнулась, придав улыбочке покровительственный оттенок. Смешная... — Мы можем отпустить тебя на пару часов.

Она пыталась выдать это за шутку — как Доминик подойдет к женщине, этакая сплошная агрессия, заполняющая все пространство вокруг, как заставит ту женщину встать и удалиться с ним на пару часов... Но в карих глазах Селии читалось неодобрение.

Доминик нахмурился. Он никому не позволит совать нос в его личную жизнь, какой бы она ни была постыдной и...

— Нет. Ступай к своим пралине, а то заставлю тебя завтра работать с трех утра.

И Селия действительно покорно пошла работать. Но, сделав три шага, она обернулась.

— Ты ведь еще не спал с ней? Наконец-то ты разбил чье-то сердце, и теперь она торчит тут призрак призраком и подбирает твои крошки.

Доминик взбесился.

— Разбил сердце — призрак — крошки... Какого черта! А что вы, ребята, треплете обо мне, когда я не слышу вас? — Но, к слову, он никогда еще не спал с женщинами, у которых есть сердце. Во всяком случае, с такими, чье сердце билось бы ради него.

— Ничего, шеф, не надо так волноваться. Мы рассуждаем о возможных последствиях твоих действий, и, на мой взгляд, вполне трезво. — Селия озорно хмыкнула и отошла еще на пару шагов. Увы, его вздох облегчения был преждевременным. Она снова обернулась и огласила ему последний свой аргумент: — Вот если мы были бы помозговитее, то, возможно, такой сценарий и прокатил бы. — Она махнула рукой Доминику, шагнула в угол между стеклом и камнем и поглядела вниз, в зал.

Нахалка, что она хотела этим сказать?

Пожав мускулистым плечом, он отвернулся, чтобы не видеть лица обнаглевшей работницы, и снова перевел взгляд на столик с веснушчатой незнакомкой.

Ну вот, она ушла...

Рак, с холодком страха в тот вечер подумал он. Пожалуй, это объясняло те шляпки, капюшоны и шарфы, неизменно скрывавшие ее волосы. Пожалуй, это объясняло и ее худобу и прозрачность, и то, что она могла сидеть так часами, впитывая в себя его жизнь.

Он стал самолично готовить ее тарелки, укладывал все, что она заказала, по своему вкусу и потом добавлял маленькие сюрпризы: например, миниатюрную башенку из

трех квадратных конфет, только что принесенных из га-нашной, где они лежали в лотках на проволочных полках.

Он прошел на свое секретное место прямо над залом, в угол стеклянной стены, чтобы взглянуть на ее реакцию. Она не улыбалась. Но медленно, не спеша откусывала крошечные кусочки шоколада и пережевывала их, словно хотела насладиться всеми вкусовыми нюансами их букета, почувствовать языком их текстуру.

А когда заканчивала с ним — с ними, с кусочками, — то всегда уходила. Поднималась со стула. Страхивала с коленей крошки, если лакомилась его знаменитым шоколадным наполеоном. Оставляла на столике наличные и никогда не расплачивалась карточкой, так что он не мог узнать ее имени.

Ему показалось, что за эти пять дней незнакомка слегка округлилась. Или это была лишь игра его воображения?

На шестой день, увидев, что она встала из-за столика, он решился и неожиданно покинул свой наблюдательный пункт. Его ноги загрохотали по полированной металлической спирали, ведущей в зал. Но спуститься он не успел — она уже подошла к дверям и не оглянувшись на громкий звук. Стеклянные створки раздвинулись; она подняла плечи, словно вздохнула. И вышла на улицу.

Гийеметта и оба официанта уставились на него, на их физиономиях застыл невысказанный вопрос. Он резко развернулся и, не проронив ни слова, снова поднялся в шоколадные недра — свою кондитерскую лабораторию.

На седьмой день ему очень хотелось открыть магазин, хотя по понедельникам он всегда был закрыт. Почему? Потому. Что она будет делать? Куда пойдет без него?

Но он переборол в себе такую глупость и потом весь день рыскал по Парижу то на мотоцикле, то пешком. Как

это ни смешно, он побывал во всех местах, притягивающих туристов. Нет, конечно, нужно знать и ценить свой город, но шансы набрести в Лувре на какую-то незнакомку, когда не знаешь, там ли она вообще... практически равны нулю. Впрочем, когда он стоял перед мраморной статуей крылатой богини победы из Самофракии, парившей в Лувре над людскими толпами, его посетило вдохновение. Всевозможные вкусовые букеты и текстура мелькали в его мозгу, дразнили его небо, когда он придумывал новый шоколад, который назовет «Виктуар», «Победа».

Ника Самофракийская ему нравилась. Стремительный, волнующий крылатый мрамор мог бы олицетворять суть его души, если бы Доминик сумел очистить ее от мрака и грязи и сделать такой же красивой.

После Лувра он даже поднялся на Эйфелеву башню, где был в последний раз в десятилетнем возрасте на школьной экскурсии. Первые два яруса он поднимался пешком, все выше и выше, с удовольствием преодолевая усталость, и разглядывал с высоты Париж, его город. Пусть даже когда-то он был в нем отверженным. Теперь Париж был им покорен.

Эйфелева башня ему тоже нравилась. Все эти годы она сияла над его городом, но он только теперь осознал это. Ему нравилась ее невероятная, фантастическая мощь, ведь вблизи металл выглядел таким массивным. Нравилось, что она оказалась выше всякой критики и сетований, сопровождавших ее рождение, и запечатлела свою власть не только над городом, но и над всем миром. Он достал молескиновую книжицу, которую всегда носил с собой, и долго зарисовывал изгибы и углы заклепок и металлических конструкций — ему пришла в голову мысль отразить их в рисунке на поверхности шоколада.

Стоя у заграждения, он с тоской разглядывал маленькие фигурки, сновавшие на Марсовом поле. Он не понимал, почему так упорно ищет ту незнакомку. Такая хрупкость и худоба были не в его вкусе, но что-то говорило в ней о ее внутренней силе и необычном хаактере. Он не знал, какого цвета ее волосы, еще — она симпатичная, голубые (он ухитрился и рассмотрел их) глаза и большой рот с очень полными губами, слишком полными для такого худенького лица; а густая россыпь бледных веснушек казалась ему просто очаровательной. Но... в его магазин приходят тысячи симпатичных женщин. И нет никаких причин выделять ее из их числа... но она сидела в его зале такая тихая, такая сосредоточенная; пряталась под капюшоном, куталась в просторный свитер; так настойчиво поглощала, впитывала его суть, его душу, словно это занятие было главным делом ее жизни.

На восьмое утро она не пришла.

Его сердце сжалось. Все утратило краски и вкус. Он глядел на свои элегантные роскошные витрины, и ему хотелось вышвырнуть их за бессмысленную, отчаянную претензию доказать всем, что он чего-то стоит, что он уже не тот двенадцатилетний мальчишка, которого родной отец отправил в кровавое, вонючее, холодное логово срубить мясо с костей, чтобы зарабатывать этим на жизнь, а сам грелся дома алкоголем.

В душе Доминика бродили горечь и разочарование; эти настроения отразились и на его шоколаде, «темном и жестоком», по определению критика из «Фигаро»; очевидно, критик видел в этом положительное начало, ибо парижане, руководствуясь модным в те дни садомазохизмом, на следующий же день хлынули в бутик Доминика Ришара.

Когда незнакомка так и не появилась, он, потеряв выдержку, вскочил на мотоцикл и сломя голову помчался по улицам на остров Сен-Луи. Якобы ему срочно понадобился Филипп Лионне, чтобы поговорить с ним насчет Шоколатье-Экспо, выставки, открывающейся через пару недель.

Предстоящее событие вынудило к сотрудничеству его и других топовых мастеров шоколада и кондитеров, что было вообще-то не в их духе, каждый заботился лишь о себе. И Доминик знал, что он среди всех самый замкнутый. Да, соперников он не терпел. Когда он оказывался в их компании, ему хотелось отчаянно драться с ними на кулаках, а потом попрасть их поверженные тела и запечатлеть победу улыбкой на своем разбитом, покрытом синяками лице. Да. Я могу побить любого, любил повторять он себе.

Правда, ему нравилась Магали, маленькая, хрупкая невеста Филиппа. Нравилась ее сапожки, ее строгий вид; ему нравилось думать, что он добьется любви этой недоτροги, задвинет куда подальше Филиппа, плюя на неминуемую опасность. Филипп Лионне наверняка попытается его убить; возможно, они подерутся до крови и увечья, и это намного интереснее, чем их соперничество в сочинении замысловатых шоколадочек и кондитерских штучек.

Но он не доводил до этого дело... ну, уж точно не из-за того, что уважал Филиппа. Мысль об этом как о возможной мотивации заставила его дать полный газ — он проскочил прямо перед бампером какого-то автомобиля.

Он не делал так, потому что... Не делал так, потому что поставил в своем зале стенку с розовыми бутонами! Не делал, потому что, как бы ни было велико искушение, он не из тех мужиков, кто походя разрушает чужое счастье. Скорее ему нравилось творить это счастье, пускай даже